

Ниже публикуется статья президента Международной социологической ассоциации, профессора И. Валлерстайна, специально адресованная журналу. Для многих читателей он не нуждается в особом представлении. Его труды, посвященные проблемам анализа исторических систем, прежде всего капиталистической мировой системы, отличаются глубиной обобщений и нетривиальным теоретико-методологическим подходом, опирающимся на признанные достижения научной мысли прошлого и современности. В мае 1996 г. он с лекциями выступил перед московской научной общественностью, в частности в Институте социологии РАН. Знакомя российских социологов с очередной работой Валлерстайна, редакция хочет отметить, что проблематика статьи продолжает обсуждение вопросов, поставленных на круглом столе «Социология и реальность» (№ 10, II), и надеется, что она вызовет несомненный интерес.

© 1997 г.

И. ВАЛЛЕРСТАЙН

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ВЕЧНО? НИЧТО НИКОГДА НЕ ИЗМЕНЯЕТСЯ?

ИЛЛЕРСТАЙН Иммануэль - профессор, президент Международной социологической ассоциации.

Вопросы, поставленные в заголовке статьи, выступают центральными для многих современных дискуссий. Сегодня по-прежнему немало приверженцев веры в то, что изменение вечно. Но все больше становится тех, кто порвал с прогрессистскими заблуждениями, и не устанут твердить - ничто никогда не изменяется. Вместе с тем эти два противоположных утверждения касаются и универсализации научного этоса; оба так или иначе относятся к эмпирической реальности и, как правило, демонстрируют различные нормативные познавательные установки.

Эмпирическая данность чрезвычайно неполна и малоказательна. Суждения о некоторой данности зависят в большей степени от продолжительности исследуемых исторических периодов. Но и при рассмотрении коротких периодов не исчезает соблазн признания социального изменения. Кто будет отрицать, что мир в 1996 г. отличается от мира 1966 г. или 1936, не говоря уже о 1906? Это подтверждают прежде всего характеристики политической системы, экономической жизни, нормы культуры. И все же многие малые европейские страны очень мало

изменились. Их культурные особенности, геополитические интересы, сравнительное положение в мировой экономике удивительно устойчивы в XX в. И, конечно, менее всего изменились национальные языки. Что истинно: изменение вечно или ничто никогда не изменяется?

Однако если взять большой исторический период, к примеру, последние 500 лет - время существования модерна мировой системы, то изменения покажутся разительными. В этот период наблюдается возникновение мировой капиталистической системы и выдающиеся технологические перевороты. Тем не менее не исключено, что мы переживаем конец модерна, что современный мир находится в заключительной фазе кризиса и вскоре социальная реальность станет похожей, вероятнее всего, на реальность в XIV в. Крайние пессимисты предрекают, что инфраструктуру мировой экономики, в которую пять веков вкладывались труд и капитал, ожидает участь римских акведуков.

Если для сравнения отступить на 10 тыс. лет назад, то, естественно, ни о каких признаках существования современных политико-культурных образований не может быть и речи. И хотя данная эпоха лежит за пределами возможной исторической реконструкции, можно вообразить множество групп охотников и собирателей, затем появление на этой основе более сложных структур, в рамках которых люди трудились гораздо меньше часов в день или год, чем сейчас, а социальные отношения были гораздо более эгалитарными, окружающая среда намного меньше загрязнена и опасна. С точки зрения некоторых аналитиков, так называемый прогресс за прошедшие 10 тыс. лет скорее есть не что иное, как длительный регресс. Другим же, напротив, свойственны радужные ожидания и надежды: этот длительный цикл близится к завершению, а дальше - возвращение к «здоровым» условиям жизни, как на заре истории.

Как научно и философски оценивать данные противоположные взгляды, решения обсуждаемых вопросов? Здесь не пригодится какое-либо эмпирическое исследование. Вместе с тем провести любое исследование по конкретной теме, причем корректно, не имея серьезной интеллектуальной основы для более широкого контекста анализа, весьма трудно. Слишком долго, в течение двух веков, в качестве такого основания брались шедевры «философской спекуляции», а «научная рациональность» не очень-то ценилась. Жаль, что нельзя больше воспользоваться индульгенцией.

Обществоведы, как известно, - дети Просвещения: они сохраняют веру в то, что человеческие сообщества - разумные структуры, действия которых мы можем понять. И с этой позиции допускается, что люди способны воздействовать на мир, а тем самым добиваться лучшего, более рационального общества. Общественная наука молча, без всяких

вопросов принимает просветительскую посылку, согласно которой общество с неизбежностью развивается в направлении к лучшему будущему, прогресс - наше естественное достояние.

Если верить в определенность прогресса и его рациональность, то изучение социального изменения не может восприниматься как особая область социальной науки, вся она так или иначе есть исследование социального изменения. Просто другого предмета нет. А тогда абсолютно ясно, что «изменение вечно», причем изменение в определенном направлении: от варварства к цивилизации, от животного поведения к богоугодному, от невежества к знанию. Вся научная тематика насквозь телеологична.

Анализ проблем практики и процессов социального изменения не выходит за рамки тривиального шаблона. Вся процедура строится как упражнение в технократизме: требуется зафиксировать непосредственные изменения, а затем решить, являются ли они более или менее рациональными или, скажем, функциональными. При этом важно, что таким образом объясняется их реальность, как возможно их существование. Затем можно уже описать или помыслить, как приспособить наличные структуры к тому, чтобы сообща и побыстрее достичь лучшего общества. На первом плане здесь соображения полезности, практичности, стремление быть политически ориентированным. В подобных упражнениях параметры места и времени легко сменить, полученное знание применяется к случаям малых групп за короткие периоды или к характеристикам больших групп (например, суверенным государствам) в течение периодов средней продолжительности, когда ставится вопрос, в частности, как «развить национальную экономику».

Обществоведы причастны к такого рода анализу явно или скрыто по крайней мере в течение столетия. «Скрыто» потому, что многие ученые не считают свою деятельность непосредственно связанной с упражнением в социальной рациональности. Результаты деятельности могут быть достаточно абстрактными, например, получение более совершенного знания. Но даже тогда они понимают, что новое знание используется другими для достижения более совершенного общества.

Просветительские посылки, о которых говорилось, не исключают движения в противоположном направлении. Полагаемая рациональность социальной жизни, как и физического мира, подразумевает, что законосообразные утверждения в принципе могут быть сформулированы наиболее полным образом, при этом их истинность уже не зависит от обстоятельств места и времени. Допускается возможность точного определения универсалий, а когда предмет научного исследования сформулирован соответствующим образом, то, в свою очередь, удосто-

веряет истинность подобных универсалий. Все это не более, чем адаптация ньютоновской науки к изучению социальной реальности. Неслучайно в начале XIX в. использовался термин «социальная физика» для обозначения таких конструкций.

Поиск законосообразных утверждений в действительности всецело совместим с политически ориентированными исследованиями, сконцентрированными на идее телеологической реальности лучшего общества. Никто не чувствует несуразности преследования двух целей одновременно. Между тем, в подобной двойственности имеется зазор, предопределяющий отношение к социальному изменению. Если способы взаимодействия людей соответствуют универсальным законам, независимым от места и времени, то в таком случае не может быть истинным утверждение «изменение вечно». Напротив, отсюда следует, что «никогда ничто не изменяется» или по крайней мере ничто существенное никогда не изменяется. Но тогда изучение социального изменения заменяется исследованием отклонений от равновесия. В этом смысле если даже предположить, как Герберт Спенсер, что исследованию социального изменения принадлежит 50% пространства - исследование социальной динамики как дополнение исследования социальной статики, - то в сфере практики обнаружится реальная значимость тематики социального изменения: она - всего лишь аппендикс социальной науки, архаический пережиток давнего увлечения социальными реформами. В этом можно убедиться, просмотрев наугад учебники для студентов, в которых последним разделом дается тема «Социальное изменение». Такой порядок - своего рода неловкое признание наличия второстепенных проблем в описании статики социальной структуры.

Сегодня просветительские взгляды на мир подвергаются нападкам с различных сторон. Некоторые склонны принять их без конкретизации и выглядят наивными. Тем не менее данное мировоззрение остается глубоко укорененным в практике и теоретизировании. И чтобы выкорчевать его, потребуется усилий побольше, чем только бомбистские выпады постмодернистов. Социальные ученые не готовы принять переориентацию во взглядах на социальное изменение, не будучи убежденными, что не утратят тем самым разумное зерно общественнознания.

Имеется ли некая рациональная парадигма, альтернативная по своей логике знанию, базирующемуся на вере в прогресс? На мой взгляд, ответ должен быть положительным. Причем, в методологическом плане она никоим образом не связана с разделением идиографического и номотетического способов познания, а также с иллюзорными представлениями о «двух культурах» - наука versus философия/литература. В ее рамках ни положение «изменение вечно», ни противоположное -

«ничто никогда не изменяется», взятые по отдельности, не обладают значением истины. Если согласиться с этим, то потребуется более адекватный язык описания социальной реальности.

Возьмем для начала одно из традиционных понятий социологии - понятие общества. Утверждается, что любой человек живет в обществе, является его частью и существует множество обществ, но он может быть членом только одного из них, в остальных же он визитер. Что тогда представляют собой их границы? Этот вопрос упорно игнорируется учеными, но... не политиками. Поэтому все так или иначе принимают посылку, по смыслу достаточно определенную, - представление о границах государства, определяемых юридически. Современная трактовка понятия «общество», восходящая к временам Французской революции (пятидесятилетнему периоду после нее), имплицитно согласуется с указанным представлением: общественная жизнь в модернизированном мире разделена на три сферы - государство, рынок, гражданское общество, и границы государства определяют пространство двух других сфер во всех случаях, если нет каких-либо правовых оснований пересмотра существующих государственных границ. Такие положения считаются априорными и не требуют особого доказательства. Никто никогда не сомневался, что, например, Франция, Великобритания и т.п. имеют свое национальное государство, национальный рынок, национальное общество.

Обычно также полагается, что данные сферы общественной жизни, несмотря на наличие общих для них границ, отличаются друг от друга: они автономны, каждая подчиняется своим собственным правилам. Допускается, что в функциональном отношении между ними возможен разлад. Государство, случается, перестает быть выразителем «общества», законы не отвечают реальному положению гражданских дел. Стереотип такой автономности вошел в плоть и кровь социальных наук, они изначально выстраивались соответствующим образом: каждой сфере положена своя «дисциплина», экономисты изучают рынок, социологи - гражданское общество, юристы - государство.

Интенция разделения социальной реальности на отдельные сферы непосредственно задавалась просветительской философией. Она внедряла в умы убеждение, что общественные структуры «развиваются» и что определяющей чертой более высоких структур, характерных для модерна, является их «дифференцированность» на автономные сферы. Такого рода представления стали общепризнанной догмой либеральной идеологии, господствующей на протяжении последних двух веков. Они заложены в основания геокультуры мировой системы модерна. Между прочим, доказательством того, что постмодернизм менее всего означает разрыв с модернизмом и выступает лишь его

позднейшей версией, служит следующее обстоятельство. Постмодернисты не отказались полностью от описанной схемы. Когда они обличают репрессивность общественных структур и проповедуют подлинную культуру, соответствующую субъективности агента, они по сути опираются на первичность сферы гражданского общества по отношению к государству и рынку. Фактически это не что иное, как признание реальности дифференциации трех автономных сфер и использование модернистского наследия в качестве аналитического средства.

Я лично не придерживаюсь веры в то, что эти три сферы автономны и различаются по своим принципам. Они, напротив, в такой степени переплетены друг с другом, что действие людей в какой-либо одной из них репрезентативно для двух других и возможно как кумулятивный результат их взаимосвязи. Попытки же разделить описание цепочек связи деятельности скорее затрудняют, чем проясняют анализ реальности. В этом смысле сомнительно, что мир модерна отличен от предшествующих периодов истории, т.е. что «дифференциация» выступает его отличительной чертой. Сомнительно также, что мы живем в множестве различных «обществ», что каждое государство содержит одно и только одно «общество» и что каждый из нас является членом только одного такого общества.

На мой взгляд, соответствующей единицей анализа социальной реальности является то, что я называю «историческими системами». Каждая из них является системой постольку, поскольку выстраивается на основе развивающегося разделения труда, что позволяет ей сохранять устойчивость и воспроизводить себя. Границы системы - эмпирический вопрос, решаемый в зависимости от границ эффективности разделения труда. Каждая система с необходимостью обладает разнообразными видами институтов, которые в конечном счете управляют социальным действием, ограничивают его таким образом, что базисные принципы системы реализуются в большей или меньшей степени, а индивиды или группы социализуются в поведении, отвечающем системе, опять-таки в определенной степени. Можно выделить различные вариации этих институтов - экономические, политические, социокультурные, но на деле это будет неточно, поскольку все институты действуют одновременно и политически, и экономически, и социокультурно и не могут быть эффективными иначе.

В то же время каждая система с необходимостью исторична, она начинает существовать в определенный исторический момент как результат процессов, доступных для анализа, она развивается в течение определенного времени благодаря процессам, которые можно проанализировать, и приходит к своему концу, так как наступает период, когда она полностью исчерпала способы сдерживания своих противоречий.

Историчность системы имеет непосредственное отношение к вопросу о социальном изменении. В той степени, в которой можно говорить о существовании системы, предполагается, что «ничто никогда не изменяется». В той степени, в какой утверждается, что система «историческая» по своему характеру, подразумевается, что «изменение вечно». Понятие истории означает диахронный процесс, по смыслу аналогичный идее Гераклита: мы не можем войти в одну и ту же реку дважды. Естественники выражают то же самое, когда говорят о «стреле времени». Таким образом, два противоположных утверждения о социальном изменении истинны применительно к определенным различным характеристикам конкретной исторической системы.

Можно обнаружить разнообразные виды исторических систем. Одна из них - капиталистическая мировая экономика. Другая - Римская Империя. Структуры майя в Центральной Америке представляют третью. Существует несчетное количество малых исторических систем. Вопрос о том, когда конкретная система возникает или перестает существовать, достаточно труден для эмпирического решения. Задача социальных ученых, анализирующих такие системы, состоит в том, чтобы показать природу свойственного им разделения труда, раскрыть организационные принципы, описать функционирование институтов, проследить историческую траекторию существования системы, включая ее генезис и конец. Как и в других областях научного знания, такая задача осуществляется в результате деятельности многих исследователей, и ясность в последовательности анализа избавляет ученого от риска неплодотворной работы.

Следующая задача заключается в том, чтобы выяснить взаимоотношения между историческими системами. Связаны ли они онтологически и, если это так, то каким образом? Данный вопрос относится к тому, что Кшиштоф Помян называет хронософией. Мировоззрение Просвещения дает конкретный ответ на него. Взаимоотношения между образованиями, аналогичными исторической системе, мыслятся как обусловленные и кумулятивные: со временем более передовые системы усложняются, рационализуются и достигают расцвета в период модерна. Единственный ли это способ понимания и описания их взаимоотношений? Вопрос о социальном изменении при этом снова появляется. Изменение или повторяемость выступает ли нормой, причем не только внутренней жизни каждой системы, но и совокупной исторической жизни людей на планете?

При рассмотрении проблемы социального изменения применительно к какой-либо конкретной исторической системе не следует смешивать три совершенно самостоятельные темы. Во-первых, генезис системы. Как произошло, что историческая система, например, капиталистическая

мировая экономика появилась в определенное время и определенном месте и именно таким образом, а не иначе? Во-вторых, вопросы системной структуры. По каким правилам данная система, или данный тип исторических систем, функционирует? Какие институты обеспечивают соблюдение этих правил? Каковы сквозные тенденции системы? В-третьих, период конца системы. Каковы противоречия системы и на каком этапе они выходят из «повиновения», способствуя системной бифуркации, вызывая смерть системы и возникновение одной новой или нескольких систем? Перечисленные темы нуждаются не только в отдельном рассмотрении, но и в особой методологии исследования.

Преимущественно анализ социального изменения сосредоточен на втором вопросе - функционировании исторических систем. Исследователи очень часто ограничиваются функционалистской телеологией при объяснении генезиса системы: считается, что он раскрыт, если в описании системы показано, как хорошо она работает, а значит, она выше предшествующих систем по способу функционирования. В этом смысле генезис наделяется характером квазинеобходимости, коренящейся в логике истории и проявляющейся в порядке движения системы данного рода. Что касается исчезновения системы, то оно объясняется не результатом действия ее внутренних противоречий, а на основе постулата неэффективности способа ее функционирования, открывающей путь более совершенным способам. Нужно заметить, что вопрос об отмирании системы вообще редко ставится применительно к современности - настолько очевидным представляется ее высший уровень организации. Подобный ход мысли можно обнаружить в многочисленном ряде книг, рассчитанных на объяснение западного модерна как конечного пункта эволюционного процесса. Аргументация при этом довольно проста - нужно отыскать в глубинах истории семена сегодняшнего расцвета.

Есть ли альтернативный подход к анализу данной проблематики? Как, например, трактовать процесс зарождения мировой системы модерна, восходящий приблизительно к 1450 г. и охватывающий пространство Западной Европы? В этот период в данном регионе наблюдались одновременно несколько выдающихся исторических явлений: Ренессанс, Гутенбергова революция, Великие географические открытия и протестантская революция. Каким образом все это стало возможным именно в эту эпоху и здесь, где свирепствовала черная смерть, наблюдались опустение деревень и так называемый кризис феодализма (кризис сеньориальных повинностей)? Как можно объяснить конец феодальной системы и ее смену другой системой в рамках одной и той же географической зоны [1]?

Прежде всего необходимо ответить на вопрос, почему ранее существ-

вовавшая система не могла больше приспособиться к выполнению практических действий по собственным правилам. Так произошло в результате коллапса трех ключевых институтов, на которых покоилась феодальная система: сеньориальной власти, государства, церкви. Резкий демографический спад привел к тому, что лишь немногие смогли возделывать землю, повинности не исполнялись, доходы упали, торговля сократилась, крепостная зависимость как институт местами вырождавалась, а местами и вовсе исчезла. Крестьяне получили возможность требовать от крупных землевладельцев более лучших экономических условий. В конечном счете власть и привилегии феодалов значительно сузились. Государство, в свою очередь, испытывало упадок как по причине снижения собственных доходов, так и потому, что феодалы переключились друг на друга в стремлении спасти свои владения в ситуации «трудных времен» (что и подкосило знать и ослабило их перед лицом крестьянства). В результате ослабления собственного экономического положения и всеобщего кризиса власти оказалась под ударами изнутри и католическая церковь.

Когда историческая система распадается подобным образом, то обычно происходит обновление правящего слоя и, как правило, благодаря вторжению извне. Случись такое в Западной Европе в XV в., мы бы не придали этому большего значения, чем, скажем, смене династии Минь в Китае маньчжурскими властителями. Но в Западной Европе события приняли иной оборот, на смену феодальной системе пришла принципиально отличная, капиталистическая система.

Отметим в первую очередь, что подобное развитие было отнюдь не неизбежным, напротив, поразительным и непредвиденным. А, во-вторых, оно не было с необходимостью счастливым концом событий. Все произошло так, а не иначе прежде всего потому, что нормальное для тех условий внешнее обновление правящего слоя оказалось по стечению обстоятельств невозможным. Наиболее вероятные завоеватели, монголы, в этот период сами переживали кризис, никоим образом не связанный с тем, что творилось в Западной Европе, и под рукой не нашлось в тот момент потребной внешней силы. Османский султанат немного запоздал и устремился в Европу тогда, когда европейская система была уже достаточно сильна, чтобы отразить его вторжение.

Но почему феодализм сменился капитализмом? Предпринимательский слой существовал задолго до обсуждаемых событий, причем веками, если не тысячелетиями. Во всех предшествующих исторических системах имелись весьма мощные силы, ограничивавшие возможности представителей этого слоя, его способность обходиться без натянутых поводьев. Никогда прежде не допускалось, чтобы предпринимательская мотивация стала определяющей характеристикой системы. Так было в

христианской Европе, где могущественные католические институты вели постоянную борьбу против «ростовщичества». Здесь, как и повсюду в мире, капитализм выступал нелегитимной культурой, а его практики терпелись до определенных пределов и предпочитали уголки социального универсума. Таким образом, капиталистические группы просто не могли вдруг, в один прекрасный день стать более сильными или более легитимными в глазах большинства населения. Решающим фактором оказалась не степень их силы, а сила социальной оппозиции капитализму, которая неожиданно ослабла. Неспособность восстановить институты этой оппозиции или пойти по пути обновления властвующих страт в результате внешнего вторжения приоткрыла на мгновение (возможно, беспрецедентно) «ворота» и капиталистические силы быстро проскользнули через щель. И так же быстро консолидировались. Есть все основания рассматривать произошедшее как нечто экстраординарное, неожиданное и, безусловно, недетерминированное.

Но тем не менее случилось, и это событие в терминах социального изменения оказывается единственным в своем роде, не подпадающим под формулу «ничто никогда не изменяется». В данном случае изменение фундаментально. Вместо того, чтобы назвать его «подъемом Запада», как это обычно и самодовольно делается, я предпочитаю говорить о «моральном коллапсе Запада».

Рассмотрим второй вопрос: по каким правилам действует историческая система, какова природа ее институтов, каковы ее основные конфликты. Ограничусь кратким описанием характеристик этой тематики (более подробное рассмотрение изложено в моем трехтомном труде "The Modern World-System"). Что определяет данную систему как капиталистическую? На мой взгляд *differentia specifica* состоит не в накоплении капитала, а в приоритете бесконечного накопления капитала. Иначе говоря, это - система, чьи институты призваны выделять из общей массы и поощрять тех, кто в своей деятельности соблюдает первенство накопления капитала, и наказывать тех, кто пытается следовать другим приоритетам. Совокупность институтов, рассчитанных на эти операции, включает в себя обустройство товарных связей, объединяющих географически разделенные производства и оптимизирующих системную норму прибыли; сеть государственных структур, складывающихся в межгосударственную систему; создание подходов дифференцированных семейных хозяйств как основных единиц социальной репродукции; наконец, интегрированную геокультуру, легитимирующую институциональные структуры и сдерживающую недовольство эксплуатируемых классов.

Можно ли говорить о социальных изменениях в данном случае? И да и нет. Как и в любой другой системе, социальные процессы постоянно

флюктуируют и в результате система обладает циклическими ритмами, которые доступны наблюдению и измерению. Поскольку данным ритмам, по определению, соответствуют две фазы, постольку справедливо предположение, что изменение имеет место каждый раз, когда кривая описывает изгиб. Однако в действительности эти процессы характеризуются повторяемостью и в конечном счете лишь показывают контуры системы. Механизмы «возврата к равновесию» включают постоянные изменения в относительно жесткие системные параметры и тем самым выступают самопрограммирующими устройствами, задающими устойчивые, сквозные тенденции системы. В качестве примера подобной тенденции можно взять процесс пролетаризации, наблюдающийся на протяжении пяти веков в виде устойчивого и направленного вверх тренда. Аналогичные тренды состоят из постоянных количественных приростов, не исключая вопроса, а когда количественные изменения перейдут в качественные. Ответ есть: когда система перестанет функционировать на основе своих правил. Рано или поздно такое происходит и тогда устойчивые тенденции подготавливают третий период системы - период конца, исчезновения.

Упомянутые сквозные тенденции есть не что иное, как векторы, направляющие систему от ее изначального равновесия. Все тренды, измеряемые в процентах, показывают некоторую асимптоту, но как только они достигли ее крайних точек, значимое увеличение процентных показателей становится невозможным, а следовательно, функционирование системы не может больше справляться с задачей восстановления равновесия. По мере того, как система отходит все дальше и дальше от состояния равновесия, флюктуации становятся все более беспорядочными и в итоге наступает бифуркация. Как нетрудно заметить, для объяснения используется пригожинская модель нелинейных процессов, выражающая некумулятивные, недетерминированные радикальные трансформации. Концептуальное объяснение упорядочивания процессов мирового универсума, не связанных с детерминацией, выступает наиболее интересным достижением познания в области естественных наук за последние десятилетия и означает коренной пересмотр господствующего научного мировоззрения, характерного для модерна. Оно также является, на мой взгляд, наиболее удачным возрождением идеи творческого начала во Вселенной, включая человеческое творчество.

С обозначенных позиций возможен эффективный подход к анализу периода трансформации нашей мировой системы [2]. Существует ряд процессов, которые подрывают базисные структуры капиталистической мировой экономики и тем самым приближают кризисную ситуацию. Во-первых, это - исчезновение деревенской специфики жизни, что, как

правило, преподносится в качестве триумфа модерна - нет нужды в огромном количестве людей для обеспечения основных условий существования человечества. Можно, оказывается, выйти за пределы того, что Маркс называл «идиотизмом деревенской жизни». Однако рассмотренный с позиции бесконечности накопления капитала, данный процесс означает приближение к пределам ранее кажущегося неистощимым резервуара населения, часть которого периодически подключалась к рыночному производству на условиях крайне низкого вознаграждения. Такое подключение целесообразно для восстановления уровня прибыльности, поколебленного повышением уровня заработной платы в результате синдикалистских выступлений.

Подобная передвижка рабочей силы в социальных низах наблюдалась в течение пяти веков и ни одна из групп рабочих не оставалась слишком долго в положении самой низшей категории, ее ряды постепенно обновлялись. Вытеснение деревни из нашего мира делает передвижку данного рода невозможной.

Во-вторых, возникновению кризисной ситуации способствует тенденция роста социальных затрат на увеличение цены продукции предприятий. В наших условиях важным элементом поддержания высокой нормы прибыли, а следовательно, гарантией бесконечности накопления капитала выступает то обстоятельство, что общество коллективно оплачивает нарастающее опредмечивание стоимости продукта производства. До тех пор, пока совокупная цена казалась достаточно низкой, этой тенденции не придавалось особого значения. Но неожиданно она выросла и существенно, например, в результате обострения экологических проблем. Кто будет оплачивать экологический ущерб? Даже если возмещающие затраты распределить между всеми людьми, проблема будет возникать вновь и вновь, пока правительства не настоят на том, что цены - это прежде всего издержки фирм. Но если это произойдет, то границы прибыльности производства резко упадут вниз.

В-третьих, пороговую черту приближает демократизация мировой системы как результат геокультуры, легитимирующей данный процесс в расчете на политическую стабилизацию. Указанный тренд достиг такой точки, когда требования демократизации стали чересчур дороги. Выполнение социальных ожиданий, означающее увеличение расходов на медицину и образование, забирает сегодня большую часть совокупной мировой прибавочной стоимости. Такие расходы фактически являются формой социальной выплаты, возвращающей производящим классам существенную долю прибавочной стоимости. В значительной степени этот возврат опосредуется государственными структурами и осуществляется в рамках так называемых социальных программ. Политические баталии по вопросу размеров их бюджетного финанси-

вания - дело нередкое: урезать его (но что тогда будет с политической стабильностью) или опустить границы прибыли, причем на немалую сумму.

Наконец, нужно сказать о крахе старых левых, т.е. традиционных антисистемных движений. Наповерку это явление отнюдь не плюс для капиталистической системы, это - ее величайшая опасность. На практике данные движения служили гарантом существующей системы: они внушали беспокойным классам, что более эгалитарный мир на горизонте, а тем самым поддерживали в обществе одновременно и оптимизм, и терпение. За последние двадцать лет народная вера в эти движения (любых вариантов) распалась, что означает утрату возможности канализировать нарастающее недовольство. Поскольку движения проповедовали идеи укрепления государственных структур (в целях изменения системы), вера в реформистское государство также резко пошатнулась. И этого менее всего желали защитники системы, несмотря на свои либеральные антигосударственные настроения. «Накопители» капитала в действительности рассчитывают на институт государства как гаранта экономических монополий и органа подавления «анархистских» тенденций среди ненадежных классов. Сегодня повсюду в мире наблюдается ослабление силы государственных структур, а это означает падение уровня безопасности и рост защитных структур. С аналитической точки зрения, данные подвижки — дорога назад, в феодализм.

Что можно сказать о социальном изменении, исходя из изложенного сценария? Вероятно, снова наблюдается период конца исторической системы, аналогичного концу феодальной системы 500-600 лет тому назад. Что произойдет дальше? В пункте системной бифуркации, где мы находимся, даже незначительные на первый взгляд действия групп людей здесь или там могут различным образом изменить векторы и институциональные формы системы. Можно ли говорить, что мы находимся в центре фундаментального изменения? Нет, этого утверждать нельзя. Ограничимся следующим: непохоже, чтобы историческая система протянула слишком долго (самое большее, вероятно, 50 лет). Но что заменит ее? Будет ли это система, сходная в основе или радикально отличная? Будет ли она по структуре единой для всех географических зон или в различных регионах планеты появятся свои специфические структуры? Аналитическое суждение не должно предрешать то, что еще пока не произошло. Но как практические деятели мы все можем поступать так, как считаем нужным для достижения лучшего общества.

Предложенная точка зрения не претендует на знание, является ли нынешнее состояние нашей системы социальным изменением или нет.

Можно заметить, что при рассмотрении продолжающей функционировать системы определить социальное изменение непросто. Детали изменяются, а качества, определяющие систему, остаются прежними. В вопросе о фундаментальном изменении следует прежде всего поступать последовательно: нужно отличить и выделить устойчивые сквозные тенденции и циклические ритмы и установить, как долго данные тенденции смогут вписываться в количественные параметры, радикально не затрагивая возможности равновесия системы.

Более того, если обратить внимание на всеобщую историю человечества, то обнаружится, что нет повода утверждать о существовании какого-либо линейного тренда. Каждое такое утверждение, его обоснование связаны с совершенно двусмысленными выводами и свидетельствуют в пользу скептицизма относительно теории прогресса. Может быть, в 21 в. обществоведы, обладая более глубоким видением реальности, смогут позволить себе признание того, что глобальные вечные тенденции существовали всегда и несмотря на все циклические ритмы постоянно переходили от одних исторических систем к другим. Мне же представляется, что в моральном и интеллектуальном отношении гораздо надежнее допустить возможность прогресса, но такая возможность не будет означать его неизбежности. Мои собственные исследования не прибавили мне пессимизма относительно будущего, разве что укрепили в спокойствии и рассудительности. Исторический выбор во времена конца исторических систем всегда моральный выбор. Сегодня его можно прояснить с помощью социального анализа, способствующего нашей интеллектуальной и моральной ответственности. Я лично умеренный оптимист в вопросе, как человечество ответит на глобальный вызов современности.

Перевод с английского В.В. ПЛАТКОВСКОГО

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wallerstein I.* The West Capitalism, and The Modern World-System // *Review*, XV, 4, Fall 1992. P. 561-619.
2. *Wallerstein I.* After Liberalism. New York: New Press. 1995; *Hopkins T.K., Wallerstein I.*, coord. From Good Times to Bad? Trajectory of the World System. 1945-2025. Forthcoming Zed Press. 1996.